

СТАТЬИ

УДК 930.2:003.74(0.032):316.772.4:94(47).043"1180/1227"

ББК 63.01+11.4+79.37+60.524.224.3+63.3(2)43

DOI: 10.34680/Caurus-2024-3(3)-14-33

Ю. Н. Кежа

СОЦИАЛЬНЫЕ СВЯЗИ МЕЖДУ ПОЛИТИЧЕСКИМИ АКТОРАМИ НА ТЕРРИТОРИИ ПРИБАЛТИКИ В КОНЦЕ XII – НАЧАЛЕ XIII в. (ПО ДАННЫМ «ХРОНИКИ ЛИВОНИИ»)¹

Проникновение латинских миссионеров и воинов-крестоносцев на территорию Восточной Балтики в 80-е гг. XII в. положило начало сложным взаимоотношениям немецких колонистов с местными языческими объединениями. Активное участие в контактах с северными крестоносцами принимали и древнерусские политические образования, граничащие с балтийскими племенными союзами – Полоцкое княжество, Новгородская и Псковская земли. Территория Прибалтики в период XIII–XV вв. являлась объектом противостояния различных сил в борьбе за власть и сферы влияния. Данное противостояние, в последующем, положило начало формированию различных взглядов на цели и характер немецкой колонизации.

В большинстве работ советских историков, события конца XII–XV вв. рассматривались в контексте сопротивления местных балтских и финских народов (ливов, латгалов, земгалов, эстов) военизированной немецкой ассимиляции. Древнерусские княжества в этом процессе выступали как препятствия для крестоносцев в деле колонизационного порабощения и окатоличивания, которое грозило не только прибалтийским народам, но и землям Средневековой Руси [Тихомиров, 1941; Бахрушин, 1942; Грацианский, 1943; Пашуто, 1956].

В последние десятилетия некоторые исследователи при рассмотрении контактов между крестоносцами и древнерусскими князьями указывают на отсутствие чёткой границы между православным и католическим мирами в конце XII – начале XIII в., что существенно ослабляет концепцию религиозного противостояния немцев-латинян и православных княжеств Руси [Selart, 2015, p. 27]. Историки обращают внимание, что нередко действия древнерусских князей в отношении местного населения можно характеризовать как агрессию, в то время как крестоносцы, в некоторых случаях, выступали на стороне крещёных племён ливов, латгалов и эстов. Таким образом, при более широком взгляде на события этого периода следует говорить не только о насильственном распространении латинского христианства среди коренного населения Прибалтии, но и о культурных заимствованиях, взаимопомощи, взаимозависимости и взаимовлиянии [Хрусталёв, 2019, с. 545].

¹ Работа подготовлена в рамках проекта БРФФИ «Политическая коммуникация на территории Восточной Европы (конец X–XIII в.)», договор № Г23ИП-005.

При внимательном анализе различных источников – нарративных и актовых материалов, папских посланий и воззваний – можно наблюдать многочисленные формы коммуникации между политическими акторами. Эти формы контактов предусматривали заключения мирных соглашений, выстраивания политических и военных союзов, установления вассальных и даннических отношений. Различные способы коммуникации способствовали формированию относительно устойчивой системы социальных связей, позволяющей взаимодействовать различным группам в полиэтничной и поликонфессиональной среде на протяжении длительного времени [Maasing, 2022, p. 321–328; Kaljusaar, 2022, p. 63–82].

Главным источником наших исследований является латинский манускрипт немецкого священнослужителя Генриха, известный как «Хроника Ливонии» или «Хроника Генриха Латвийского» (лат. *Heinrici Cronicon Lyvoniae*)². Хроника была написана в 1225–1227 гг. по заказу рижского епископа Альберта (1165–1229). События в ней выстроены в хронологическом порядке: от появления в устье Западной Двины католического миссионера Мейнарда в 1184 г. до последних лет жизни заказчика Хроники. Ценность источника определяется временем его написания – священник Генрих был фактическим свидетелем происходящих событий. Не смотря на тенденциозность хрониста, который в положительном ключе описывает деятельность епископа Альберта и его приближённых, многие сообщения автора, такие как отношения между древнерусскими князьями и коренным населением региона, контакты между древнерусскими князьями и крестоносцами – находят отражение в других современных хронике материалах [Матузова, Назарова, 2002, с. 33]. Информация Хроники о встречах и переговорах, а также формах коммуникации между различными политическими силами Ливонии может быть признана нами как достоверная или близкая к достоверной, что и послужило выбору данного источника в качестве основного. Хронологические рамки исследования будут включать начальный этап немецкой колонизации Прибалтики (1184–1227), что полностью соответствует тому периоду, который описан в Хронике.

Нашей задачей будет выявление различных способов межличностной и межгрупповой коммуникации на территории Прибалтики (Ливонии) в конце XII – начале XIII в. Основной фокус исследования будет сосредоточен на формах контактов, которые приводили к выстраиванию сложной системы связей. Договоры и союзы нередко нарушались. В связи с этим, отдельное внимание будет посвящено рассмотрению различного рода конфликтов, а также способам их разрешения. В результате исследования предполагается выявить основные механизмы формирования политических союзов и функционирования социальных связей в рассматриваемом регионе.

Контакты на землях Прибалтики осуществляли основные политические силы, участвовавшие в борьбе за влияние в регионе: рижский епископ Альберт, немецкие рыцари и Орден меченосцев, датские короли Кнут VI и Вольдемар II, древнерусские князья. Отдельно можно выделить местных племенных вождей, которые пытались

² «Хроника Ливонии» цитируется по русскому переводу С. А. Аннинского [Генрих Латвийский, 1938].

найти различного рода выгоды от союзов как с колонизаторами-немцами, так и древнерусским князьями, активно противостоять одним и другим, а также использовать их в борьбе с соседними племенными объединениями Ливонии.

В качестве основных форм коммуникации из текста Хроники можно выделить следующие: 1). Вручение даров – 22 упоминания; 2). Различного рода договорные ритуалы как языческого, так и христианского характера (а также ритуализированные действия указывающие на разрыв договора) – 13 упоминаний; 3). Институт посредничества при заключении соглашений – 5 упоминаний.

Дары. Дары и дарообмен в средневековых обществах открывали широкие возможности к мирному сосуществованию между коллективами. Дары преподносились в ожидании установления социальных связей и (или) достижения дарителем определённых целей. Даже если обязательства, оформлявшиеся дарами, не высказывались открыто, ожидалось, что подразумеваемые договорённости и обычаи будут выполнены [Альтхоф, Штольберг-Релинген, 2016, с. 9].

Информация о первых попытках установления связей между представителями немецкой латинской миссии и полоцким князем Владимиром упоминается в самом начале Хроники. Священник ордена Августина Мейнард высадившись в устье Западной Двины (1184) с целью проповеди и распространения христианства среди местного племени ливов. Установление первых контактов осуществлялось в форме даров полоцкого князя Владимира немецкому священнику³.

Из текста Хроники следует, что ливы выплачивали дань Владимиру. На этом влияние Полоцка в регионе, по всей видимости, ограничивалось. Мы не имеем информации о какой бы то ни было христианской миссии полоцких князей в Прибалтике, а также попытках установления прочного административно-территориального контроля на землях ливов. Устанавливая связь с Мейнардом посредством даров, Владимир Полоцкий привлекал латинского миссионера и содействовал ему, тем самым предполагая укрепить свой авторитет и влияния в регионе. Вероятно, Владимир рассчитывал на создание нового, зависимого от него территориального объединения, которое будет контролироваться из Полоцка [Хрусталёв, 2019, с. 29].

В изложении Хроники многие эпизоды с вручением даров происходят в контексте политического превосходства, когда сторона, вручающая дары, выступает как главенствующая. В приведённых ниже нескольких примерах, дары предельно открыто выражают ранг и статус дарителя и одариваемого. Владелец более высокого ранга вынужден проявлять демонстративную щедрость, обозначая тем самым своё более выгодное (привилегированное) положение [Альтхоф, Штольберг-Релинген, 2016, с. 10, 14]. В результате вручение дара между контрагентами устанавливалась саморазумеющаяся связь, согласно которой, на одариваемого

³ «Так вот получив позволение, а вместе и дары от короля полоцкого, Владимира, которому ливы, еще язычники, платили дань, названный священник (Мейнард) смело приступил божьему делу, начал проповедовать ливам и строить церковь в деревне Икесколе» [Генрих Латвийский, 1938, с. 71].

накладывались определённые обязательства по отношению к дарителю [Гуревич, 2020, с. 416].

Дары ливам («*напитки, угощения и подарки*») вручает приемник Мейнарда, епископ Икскюле Бертольд в 1191 г. [Генрих Латвийский, 1938, с. 75]. Дары устанавливаются для «*расположения ливов*» к новому епископу и укрепления влияния Бертольда вместо предшественника Мейнарда. В 1205 г. дары («*сто золотых*») от римского папы Иннокентия III получает вождь ливов Каупо – один из первых ливских старейшин принявших крещение и в последующем верно служивший крестоносцам в военных походах на земли эстов [Генрих Латвийский, 1938, с. 85]. В 1207 г. рижский епископ Альберт вручает дары князю Кукенойса Вячко, который прибыл в Ригу с просьбой о помощи в борьбе с литовцами. Правитель Кукенойса добровольно перешёл в вассальную зависимость от Риги с готовностью передать половину своих владений епископу [Генрих Латвийский, 1938, с. 107–108].

В 1198 г. дары от датского короля Кнута VI получает епископ Альберт [Генрих Латвийский, 1938, с. 78]. Первые попытки распространения влияния датских королей на Восточную Балтику (территорию Эстонии) начались за несколько десятилетий до миссии немецких крестоносцев [Selart, 2015, p. 52]. Заинтересованность Кнута в деятельности Альберта проявилась в стремлениях установить через епископа прямое или опосредованное влияние в Нижнем Подвинье. В 1219 г. датский король Вольдемар II закрепляется в Ревельской области и после строительства нового замка одаривает старейшин ревельцев и гарионцев, пытаясь тем самым укрепить своё влияние над покорёнными областями эстов [Генрих Латвийский, 1938, с. 196].

Ряд сообщений Хроники указывает на дары как средства, с помощью которого одна из сторон пытается заключить мир или политический союз. Заинтересованная сторона преподносит дары с целью достижения желаемого результата. В этом случае, дары имеют важное смысловое значение, когда определённые люди или социальные группы вступают в мирные отношения или стремятся такие отношения продлить [Althoff, 1987, s. 24].

В 1206 г. «*желая снискать дружбу и расположение Владимира, короля полоцкого*» епископ Альберт отправляет с монахом Теодорихом в Полоцк «*боевого коня с вооружением*» [Генрих Латвийский, 1938, с. 94]. В 1208 г. Вячко в поисках союзника в борьбе с Ригой обратился к полоцкому князю Владимиру. Бывший правитель Кукенойса отправил в Полоцк «*лучших тевтонских коней, баллисты, панцыри и тому подобное, а вместе с тем просил и советовал собрать войско как можно скорее и идти брать Ригу*» [Генрих Латвийский, 1938, с. 94]. Дары Вячко выступают как средство установления союза с полоцким князем взамен разорванных вассальных отношений с рижским епископом. Заинтересованной стороной в данном эпизоде выступает именно Вячко, который оставшись без земельных

владений рассчитывает их вернуть (или приобрести новые) с помощью полоцкого князя.

В 1213 г. литовский вождь Даугерутэ отправляется с *«большими дарами»* к новгородскому князю Мстиславу Мстиславичу с целью заключения с ним союза [Генрих Латвийский, 1938, с. 161]. В 1217 г. эсты отправляют послов с дарами к новгородскому князю Святославу Мстиславичу [Генрих Латвийский, 1938, с. 185]. Цель посольства – заключение союза с Новгородом против Ордена меченосцев и рижского епископа [Хрусталёв, 2019, с. 102]. В 1223 г. старейшины Сакалы отправили послов с *«деньгами и многими дарами»* к владими́ро-суздальскому князю Юрию Всеволодовичу с призывом о военной помощи против крестоносцев [Генрих Латвийский, 1938, с. 231]. После прибытия объединённого русского войска во главе с новгородским князем Ярославом Всеволодовичем и псковским князем Владимиром Мстиславичем, эстонское население Дерпта преподносит Ярославу *«большие дары»*, прося о военной помощи против латинян [Генрих Латвийский, 1938, с. 232].

Хроника упоминает о преподнесении даров побеждённых прибалтийских объединений рижскому епископу и крестоносцам. В данном случае дары свидетельствуют о согласии племенных старейшин принять христианство и подчиниться власти ливонской церкви.

Так, в результате масштабного разорения крестоносцами в союзе с ливами и латгалами северо-восточных земель эстов в 1219 г. населения региона вместе с местными вождями принимает крещение. После заключения мира и получения рижанами заложников, старейшины от пяти областей Виронии отправили в Ригу дары и *«отдали самих себя со всей Виронией под покровительство пресвятой девы и ливонской церкви»* [Генрих Латвийский, 1938, с. 201]. В 1223 г. после разграбления воинами-крестоносцами эстонского замка Лонэ и трёх близлежащих крепостей, население передало рижанам в виде даров (возможно, дани) *«множество вайпы»* (покрывал/ткани) [Генрих Латвийский, 1938, с. 234]. После взятия рижанами Дерпта в 1224 г. вербольцы (поморские эсты) перешли в подчинение ливонской церкви преподнеся дары рижским рыцарям. Тогда в подчинение епископу перешли семь поморских областей. После распространения известия о взятии Дерпта, дары в Ригу были принесены послами от гервенцев и виронцев [Генрих Латвийский, 1938, с. 240–241].

Вручение даров в Хронике описывается как преподнесение военных трофеев союзному войску. После двух военных походов, племенные объединения земгалов и латгалов вручают союзникам-рижанам в виде даров добычу, захваченную в результате военных побед. После того, как земгалы взяли верх над литовцами в 1208 г., в Ригу были отправлены *«почетные дары»* [Генрих Латвийский, 1938, с. 119]. В этом же году после жестокого разорения латгалами языческой эстонской области Сакала, часть захваченного была передана священнику Бертольдусу и братьям-рыцарям в виде даров. В данном контексте, хронист показательно прославляет насилие

новообращённых латгалов в отношении язычников-эстов [Генрих Латвийский, 1938, с. 122].

Институт вручения даров в начальной истории колонизации Прибалтики служил средством установления и поддержания социальных связей. В процесс дарения были включены сообщества, находящиеся на разных стадиях социально-экономического развития: латинские священники, западноевропейские феодалы и монархи, древнерусские князья, а также догосударственные прибалтийскими объединения. Это может свидетельствовать об институте дарения как универсальном способе коммуникации в Средние века, с помощью которого заключались договоры и союзы, разрешались конфликты, выстраивались иерархические системы власти-подчинения [Мосс, 2015; Гуревич, 2020].

Ритуалы. Важной формой межличностной и межгрупповой коммуникации являются различного рода ритуалы. Под «ритуалами» подразумеваются символические действия, наделяемые особым значением и сакральностью, сопровождающие политические и религиозные акты [Риер, 2022, с. 189]. Их рассмотрение позволяет раскрыть особенности заключения договоров между контрагентами, фигурирующими в Хронике.

Помимо этого, ритуализированные действия, зафиксированные Генрихом, довольно определённо указывают на разрыв договорных отношений, что является подтверждением важной роли символических актов в контактах между политическими субъектами Ливонии конца XII – начала XIII в. Ритуалы, свидетельствующие о заключении/разрыве договоров были связаны как с дохристианским представлениям ливов, латгалов, земгалов, куров, литовцев и эстов, так и социальными (феодальными) практиками немецких крестоносцев и древнерусских князей.

Примером значимой роли ритуалов при контактах языческих сообществ и католических миссионеров является информация хрониста о принятии ливами крещение от Мейнарда в самом начале латинской миссии, а затем возвращении их к язычеству путём купания в Двине (1184)⁴. Похожим образом описывая восстания эстов против крестоносцев, Генрих сообщает о возвращении языческих обрядов как консолидирующей силы способной объединить отдельные племена эстов для борьбы с ливонскими рыцарями. Согласно Хронике, эсты возвращаются к многожёнству. Далее хронист информирует, что тела покойников, погребённых на христианских кладбищах, были вырыты из могил и сожжены по «языческому обычаю». Эсты моются и выметают вениками освобождённые замки, что как и в эпизоде с ливами (1184) символизировало отказ от христианства и возвращение к языческим верованиям [Генрих Латвийский, 1938, с. 226].

Показательным эпизодом заключения, а затем разрыва мирного соглашения между латинским епископом Бертольдом и ливами стал символический обмен

⁴ «Крещение, полученное в воде, они (ливы) надеялись смыть, купаясь в Двине, и отправить назад в Тевтонию» [Генрих Латвийский, 1938, с. 72].

копьями между сторонами конфликта. Увидев, что перемирие не соблюдается, Бертольд отослал копье ливам. Данное действие сигнализировало о возобновлении военного похода крестоносцев [Генрих Латвийский, 1938, с. 76]. Ритуал обмена оружием как проявление заключения мира находит параллели в древнерусской истории и, вероятно, относится к архаическим элементам договорных практик⁵.

Эпизод, по своим действиям похожий на возврат Бертольдом копья ливам произошёл в 1213 г. Литовцы разорвали мирный договор с крестоносцами. Символическим актом прекращения мирных соглашений стало бросание копья в Двину около замка Кукенойс – «в знак отказа от мира и дружбы». После метания копья последовала переправа литовцев через реку и разорение земель латгалов [Генрих Латвийский, 1938, с. 161]. В 1222 г., когда началось восстание в земле эстов, старейшины Вилиендэ после убийстваливонских рыцарей послали в крепость Оденпе (Медвежья голова) окровавленные мечи «*которыми убили тевтонов*» – в качестве знака, призывающего к мобилизации против крестоносцев. Захваченная одежда и кони рыцарей были отправлены в качестве даров [Генрих Латвийский, 1938, с. 225–226]. Продолжением этих событий стал языческий ритуал гадания о жертвоприношении богам. Выбор жертв состоял из быка и дерптского священника Гартвика. Согласно Хронике, жребий пал на быка, которого и принесли в жертву. Священнику была сохранена жизнь, хотя и нанесена «*большая рана, которая впоследствии была вылечена*» [Генрих Латвийский, 1938, с. 226].

В 1201 г. был заключён мир между рижским епископом Альбертом и прибалтийским объединением куров. Как сообщает хронист, в толькo что основанную Ригу от куров было отправлено посольство для заключения мира: «*Получив согласие христиан, они закрепили мир, по языческому обычаю, пролитием крови*» [Генрих Латвийский, 1938, с. 81]. Ритуал жертвоприношения как форма заключения мира являлась довольно распространённой практикой соглашений в дохристианских сообществах [Rowwel, 1992, p. 147]. Параллели действиям куров можно найти в событиях из истории Литвы XIV в. Во время переговоров Кейстута с венгерским королём Лайошом I (1351) после клятв литовского князя в соблюдении соглашений, литовской стороной было совершено пролитие крови быка и провозглашено, что подобная участь постигнет того, кто нарушит договор [Florianus, 1884, p. 161]. В обоих случаях, несмотря на языческий характер договорных ритуалов, соглашения воспринимались христианскими сторонами (епископом Альбертом и венгерским королём) как вполне легитимные.

По «*языческому ритуалу*» был заключён мир в 1201 г. между враждующими сообществами язычников-земгалов и новообращёнными ливами. Местом заключения

⁵ В Повести временных лет под 968 г. содержится сообщение о процедуре соглашения между печенежским военачальником и киевским воеводой Претичем, которое состояло из обмена оружием и взаимных клятв [Полное собрание русских летописей, 1926, стб. 67]. О ритуале клятвы оружием см. [Фетисов, 2002; Стефанович, 2006].

соглашения (и совершения ритуала) была Рига [Генрих Латвийский, 1938, с. 82]. Латинские крестоносцы, вероятно, выступали в качестве посредников в заключении соглашения и языческий характер ритуала немцев-христиан не смущал. В 1212 г. между крещёными ливами и латгалами (последние были притесняемы венденскими братьями-рыцарями) был заключён договор («заговор», согласно Хронике): «по обычаю язычников скрепили его, наступив на мечи» [Генрих Латвийский, 1938, с. 154]. Показательна роль в данном эпизоде ливского старейшины Каупо – христианина и верного сторонника братьев-рыцарей. Ливский вождь, присутствуя при заключении соглашения, заявляет, что «от веры христовой не отречется никогда, но готов вступить пред епископом за ливов и лэттов, чтобы облегчить им христианские повинности» [Генрих Латвийский, 1938, с. 154]. Каупо, являясь христианином, считает вполне уместным осуществление языческого ритуала и предлагает услуги посредника.

Ритуализированные действия похожие по своему содержанию на процедуру феодальной присяги вассала своему сеньору, изложены в Хронике под 1209 г. После штурма и взятия рыцарями древнерусского замка Герцике, местный князь Всеволод бежал из крепости, а сам город был разграблен войском крестоносцев. Спустя некоторое время Всеволод приезжает в Ригу и соглашается на условия мира. Он обязался оборвать контакты с языческими племенами Ливонии, а также прекратить «вместе с литовцами разорять земли русских христиан» [Генрих Латвийский, 1938, с. 127]. После данного Всеволодом обязательства ему было возвращено его владение, а сам князь признавал политическую зависимость от рижского епископа⁶.

Действия Всеволода, показывающие смирение и покорность провинившегося вассала перед своим сюзереном, напоминают ритуалы покаяния («diditio»), известные из западноевропейской средневековой истории [Althoff, 1997, s. 99–125; Koziol, 1992. p. 1–19; Reuter, 1991. s. 297–325]. В ходе конфликтов между верховным правителем (королём или императором) и подчинёнными вассалами (герцогами и графами), примирение было возможно в случае прощения сюзереном побеждённого мятежника. Данный ритуал состоял из следующих символических элементов: провинившийся вассал являлся перед государем, публично признавал свою вину и коленопреклонно молил сюзерена о прощении. Проходя через публичный ритуал покаяния и подчинения, побеждённой стороне конфликта возвращались прежние владения [Althoff, 1997, s. 113]. Таким образом, ритуал «deditio» способствовал восстановлению мира посредством отказа от насилия и наказания.

Действия Всеволода после прибытия в Ригу соответствуют основным элементам данного ритуала: «Явившись, тот просил простить его проступки, называл епископа отцом, а всех латинян братьями по христианству и умолял забыть прошлое зло, заключить с ним мир, вернуть ему жену и пленных» [Генрих Латвийский, 1938, с. 127]. Всеволод, как человек зависимый от епископа вручил

⁶ «Передав свое королевство той же церкви, он получил его вновь из рук епископа через торжественное вручение трех знамен, признал епископа отцом и утверждал, что впредь будет открывать ему все злые замыслы русских и литовцев» [Генрих Латвийский, 1938, с. 127].

последнему «своё королевство», а затем получил его обратно в виде «трёх знамён», обязуясь признать Альберта «своим отцом» и впредь находиться в его воле⁷. Лен с тремя знамёнами, которыми Альберт наделил Всеволода в соответствии с западноевропейским средневековым правом, должен был соответствовать трём замковым округам, одним из которых был Герцигский округ [Матузова, Назарова, 2002, с. 201].

За четыре года до присяги Всеволода, древнерусским князем, который одним из первых пошёл на соглашение с рижским епископом Альбертом был Вячко [Генрих Латвийский, 1938, с. 92–93]. В сообщении 1205 г. князь Кукенойса выступает как независимый от Владимира правитель, добровольно принимающий решение о вступлении в политическую зависимость от рижского епископа: «*После рукопожатий и взаимных приветствий он тут же заключил с тевтонами прочный мир*» [Генрих Латвийский, 1938, с. 93]. Действиями обеих сторон, подчёркивающими заключение соглашения, являются рукопожатия и взаимные приветствия, что соответствовало одной из универсальных средневековых символик – символике руки. Процедура вложения рук вассала в руки сеньора (в нашем случае – процедура рукопожатия) являлась многозначной и могла выражать наставление, защиту или покровительство [Ле Гофф, 2000, с. 215]. В 1206 г. Вячко отдаёт Альберту половину своих владений и становится, по сути, вассалом епископа в надежде обезопасить свои владения от нападения литовцев. С целью подкрепления договорённости о предоставлении защиты, Альберт вручает Вячко дары (об этом упоминалось выше) и князь Кукенойса возвращается в свой замок [Генрих Латвийский, 1938, с. 107–108].

Не смотря на символические действия, указывающие на вступление князей Вячко и Всеволода в зависимость от рижского епископа, ритуалом вассалитета, полностью аналогичным западноевропейским практикам, события 1206 и 1209 гг. назвать нельзя. Как отмечал Жак Ле Гофф, «цельность обрядов и символических жестов вассалитета образует не только церемониал, ритуал, но систему, то есть то, что функционально только тогда, когда ни один существенный элемент из неё не выпадает, и то, что обладает своим значением и своей силой действия только благодаря каждому из элементов, смысл которых выявляется только в отношении целостности» [Ле Гофф, 2000, с. 222]. В отмеченных Хроникой церемониальных действиях представлены отдельные элементы вассалитета – клятва и вручение инвеституры (трёх знамён) в 1209 г. и рукопожатие в 1206 г. При этом в церемониальных действиях отсутствует цельность, которая должна включать строгую последовательность таких элементов как слово, жест и предмет [Ле Гофф, 2000, с. 213].

⁷ Сохранился оригинал договора (грамота), о вступлении Всеволода в вассально-ленные отношения с епископом Альбертом. Текст грамоты частично повторяет и дополняет рассказ Генриха, что позволяет предположить, что автор Хроники был хорошо знаком с документом и, возможно, лично присутствовал во время присяги [Матузова, Назарова, 2002, с. 201].

Тем не менее ритуальные действия как формы контактов и заключения договоров между политическими акторами Ливонии, отражённые в Хронике, указывают на значительную роль символической коммуникации в политических процессах на территории Восточной Европы периода средневековья.

Посредники. В последние десятилетия историки-медиевисты обращают внимание на важную роль посредников и миротворцев в урегулировании средневековых конфликтов [Kamp, 2001]. Многочисленные случаи из западноевропейского средневековья, когда посредники пытались предотвратить или погасить возникающие противоречия, позволяют признать, что их деятельность направлялась и защищалась представлениями о правилах, которые имели высокую степень признания в обществе [Althoff, 2019, p. 5].

В Хронике содержится ряд упоминаний о роли посредников при разрешении конфликтов между политическими субъектами Ливонии. Так, в 1208 г. при противостоянии между немецким рыцарем Даниилом из Левенвардена и князем Кукенойса Вячко, инициатором урегулирования конфликта и посредником в заключении мира выступил рижский епископ Альберт. После взятия Кукенойса Даниилом и пленения Вячко, епископ способствовал освобождению русского князя и возвращению его владений. Важным инструментом урегулирования противоречий, в данном случае, являлся институт даров и гостеприимства: Альберт приглашает Вячко на праздник Пасхи в Ригу, вручает ему дары и устраивает пир для князя и его приближённых, тем самым *«усыпив всякую вражду между ним и Даниилом»* [Генрих Латвийский, 1938, с. 114]. В этом эпизоде посреднические действия Альберта можно характеризовать как арбитраж, где престиж и авторитет рижского епископа были призваны погасить конфликт двух его вассалов.

В период объезда папским легатом областей Ливонии, представитель римской церкви, действуя от имени папы, выступил посредником в разрешении старого конфликта между ливонскими рыцарями и датчанами. Спор касался земель эстонской области Вирония, откуда датчане были изгнаны братьями-рыцарями. Легат постановил отдать эту землю *«под покровительство верховного первосвященника»*, тем самым выступив верховным судьёй и арбитром в споре двух политических сил Ливонии. Обе стороны конфликта (датчане и рижане) подчинились решению легата и заключили между собой мир [Генрих Латвийский, 1938, с. 246–247]. В данном эпизоде можно увидеть символическое проявление смирения политических сил перед церковным иерархом, которое неоднократно имело место в истории средневековья [Althoff, 2019, p. 173–188].

В 1212 г. был возобновлён мир между крещёнными племенами ливов и латгалов с одной стороны и язычниками-эстами с другой. Медиатором переговоров и посредниками в возобновлении мира выступили епископ Альберт, братья-рыцари и старейшины Риги [Генрих Латвийский, 1938, с. 151].

В этом же году был заключён мир между Владимиром Полоцким и Альбертом. Встреча происходила у замка Герцике. В 1212 г. крепость находилась на приграничной территории между Полоцким княжеством и владениями крестоносцев. Переговоры проходили в спорах о принадлежности ливской дани [см. Подберёзкин, 2022, с. 87–100], которые грозили перерасти в военное столкновение. После того как переговоры зашли в тупик, полоцкий князь выводит из замка своё войско, выстраивает его на поле и идёт на людей епископа, тем самым демонстрируя готовность начать военные действия. Столкновение предотвратили настоятель церкви св. Марии Иоанн и псковский князь Владимир Мстиславич⁸. Пройдя «*между двух войск*» Иоанн и Владимир убедили полоцкого князя не начинать войну, после чего тот принял предложение епископа и отказался от власти над ливами. Не смотря на трафаретный характер повествования Хроники, где Владимир Полоцкий за короткий период от безудержного агрессора признаёт Альберта «*духовным отцом*», сообщение повествует о важной, и, подчас, ключевой роли посредников в предотвращении столкновений и заключении мира.

Владимир Мстиславич занимал псковский княжеский стол с 1209 по 1227 г. В период с 1211 по 1215 г. (на который приходится эпизод переговоров с полоцким князем) он был изгнан из Пскова и находился на службе у Альберта в должности судьи в областях Аутине и Идумея в Ливонии [Матузова, Назарова, 2002, с. 135]. Помимо этого Владимир Мстиславич выдал свою дочь замуж за брата Альберта Теодориха, и, тем самым, находился с рижским епископом в отношениях свойства. По всей видимости, псковский князь имел дружеские контакты и с Владимиром Полоцким, о чём свидетельствует его пребывание в гостях у полоцкого князя после изгнания из Пскова [Генрих Латвийский, 1938, с. 151].

Рассматривая данное противостояние подтверждается закономерность, характерная для многочисленных конфликтов Средневековой Европы: те люди, которые имели равные отношения с обеими сторонами конфликта, были особенно хорошо подготовлены к действиям в качестве посредников [Althoff, 2019, p. 6].

Роль медиатора в предотвращении конфликта между местными племенами (ливов и латгалов) и крестоносцами отводилась хронистом Каупо – уже упоминавшемуся правителю ливов из области Турайда. В рассматриваемом выше сообщении (1212) о «языческом» союзе между ливами и латгалами против рыцарей, Каупо выступал нейтральной стороной, стремящейся к разрешению конфликта. Принявший христианство в 90-е гг. XII в. и активно выступающий на стороне немецких крестоносцев, правитель Турайды выступал вождём ливов в многочисленных походах против других прибалтийских объединений, прежде всего эстов. Каупо, таким

⁸ «*Когда сошлись те и другие, Иоанн, настоятель церкви пресвятой Марии, и король Владимир с некоторыми другими, пройдя между двух войск, стали убеждать короля не тревожить войной молодую церковь, чтобы и его не тревожили тевтоны, все люди сильные в своем вооружении и полные желания сразиться с русскими. Смущенный их храбростью, король велел своему войску отойти, а сам прошел к епископу и говорил с ним почтительно, называя отцом духовным; точно также и сам он принят был епископом, как сын*» [Генрих Латвийский, 1938, с. 153].

образом, имел тесные связи и равные отношения как с колонизаторами-немцами, так и с объединением ливов, из которого он вышел в качестве предводителя.

Роль посредников в политических событиях Ливонии начального этапа христианизации (конец XII – первая четверть XIII в.) в ряде случаев имела ключевое значение. В ходе конфликтов между сообществами рыцарей-крестоносцев и местными новокрещёнными (или ещё языческими) племенами был необходим человек, имеющий связи с каждой из сторон конфликта, а также располагающей авторитетом и престижем в обоих сообществах. Это касается и отношений между древнерусскими князьями и рижским епископством. Центральная роль в конфликтах между отмеченными политическими акторами отводилась посреднику-медиатору, представляющему нейтральную третью сторону, как правило не вовлеченную в сам конфликт и стремящемуся к достижению взаимоприемлемого баланса между конфликтующими сторонами.

Иные способы конструирования социальных связей. В тексте Хроники встречается информация о способах конструирования социальных сетей, в перспективе призванных стать основой для дальнейшего распространения влияния.

Важнейшим регулятором, с помощью которого устанавливались и поддерживались мирные отношения был институт заложников. При описании заключений перемирий, информация о выдаче заложников встречается в Хронике 17 раз [Генрих Латвийский, 1938, с. 79–80, 89, 92, 93–94, 105, 112, 139, 167, 177–178, 183, 187, 200, 206, 224, 227, 248, 254]. Во всех случаях это касается мирных договоров между колонизаторами и прибалтийскими объединениями (за исключением одного случая, когда заложников от эстов требует папский легат), когда представители местных элит отдавали своих детей крестоносцам.

Выданные заложники являлись гарантами политической и военной лояльности прибалтийских племенных вождей. Помимо политической прагматики институт заложничества имел важное социально-культурное значение. Довольно часто сыновья вождей переправлялись на территорию Священной Римской империи («Тевтонию»), где приобщались к западноевропейской латинской культуре. Институт заложничества, таким образом, был действенным механизмом включения социальной элиты прибалтийских объединений в феодальную среду Западной Европы. Подобные практики были распространены во многих регионах мира и были характерны для различных периодов истории [См. Магарамов, 2019; Ярцев, Шушунова, 2019, с. 180–181].

С начала активного расширения христианства в Ливонии, рижский епископ Альберт постоянно отправлялся в немецкие земли для вербовки крестоносцев. Рыцари-пилигримы выступали движущей силой в покорении племенных объединений. На начальном этапе колонизации (конец XII – первое десятилетие XIII в.), они служили в качестве активных проводников влияния рижского епископа, занимая административные должности в укрепленных центрах Прибалтики и, тем самым, осуществляли контроль над отдельными областями.

В первые десятилетия колонизации Ливонии важным фактором распространения влияния рижской церкви была отправка проповедников в земли

язычников и создание там церковных учреждений. После направления рижским епископом в Торейду священника Алебранда была основана церковь в Куббзелэ. В Метсеполэ был направлен священник Александр, основавший в этой области храм. Священник Даниил был отправлен с проповедью в Леневарден, оттуда пошёл с миссией по соседним землям [Генрих Латвийский, 1938, с. 105]. После того, как Альберт получил от римского папы власть на правах архиепископа назначать и посвящать епископов в землях Ливонии, он создаёт в Эстонии епископат: в епископы посвящает священника Теодориха, а священника Бернарда назначает аббатом в Динамюндэ. В последующем Бернард стал епископом земгалов [Генрих Латвийский, 1938, с. 145]. В Ливонии к XIII в. капитулы стали одними из самых важных учреждений, они играли ключевую роль в церковном управлении. Позже, большинство из них получили исключительное право избирать епископов, и церковная организация Ливонии постепенно включалась в общеевропейскую систему латинской церкви [Maasing, 2022, p. 341–345].

Распространение влияние Альберта осуществлялось через пожалование бенефициев рыцарям-пилигримам и отдельным церквям. Так, в 1205 г. Альбертом в устье Западной Двины был основан монастырь цестерцианских монахов, где аббатом рижский епископ поставил брата Теодориха, а наместником в замке Икескола (выше по течению Двины) назначил рыцаря Конрада из Мейендорфа, которому ранее эти земли были даны в качестве бенефиция [Генрих Латвийский, 1938, с. 91]. После занятия крестоносцами сожжённого Кукенойса в 1209 г., Альберт отдаёт половину укрепления Рудольфу из Иерихо и наделяет братьев-рыцарей третьей частью замка [Генрих Латвийский, 1938, с. 123]. К началу 20-х гг. XIII в. Хроника сообщает о разветвлённой структуре замковых укреплений на землях Ливонии населённых братьями-рыцарями. Крестоносцы выполняли судебные функции и собирали налоги с местного населения, отправляя часть податей рижскому епископу [Генрих Латвийский, 1938, с. 221]. В качестве бенефиция земли получали не только немецкие рыцари, но и местные вожди. Под 1206 г. содержится информация о владении ливами замком Леневарден, с доходов которого ежегодно в Ригу выплачивался фиксированный налог [Генрих Латвийский, 1938, с. 105]. После крещения рижанами земгалов из Мезиотэ, Альберт оставляет своих людей в замке с целью установления контроля над крещённой территорией и защитой местного населения от литовцев и соседних племён земгалов-язычников [Генрих Латвийский, 1938, с. 196–197].

Земельные пожалования и назначение людей епископа на административные должности были связаны с древнерусскими князьями, которые в силу разных причин переходили в зависимость от рижского епископа. Уже упоминалось о добровольной присяге князя Кукенойса Вячко епископу Риги, а также вынужденном подчинении Альберту герцигского князя Всеволода⁹.

⁹ По мнению белорусских исследователей, создание и развитие Кукенойса и Герцике являлось проявлением полоцкой колонизации в низовьях Западной Двины [Штыхов, 1978, с. 62], а князя Вячко и Всеволод до активной экспансии крестоносцев в Прибалтике находились в вассальной зависимости от полоцкого князя [Гісторыя Беларусі, 2000, с. 227]. В белорусской историографии прочно утвердилось мнение, что борьба этих городов-замков являлась проявлением общего сопротивления экспансии крестоносцев. Главным центром данного

Важное значение для Владимира Мстиславича имело покровительство рижского епископа после того, как князя изгнали его из Пскова. Владимир был поставлен Альбертом на должность судьи и сборщика податей в областях Аутине и Идумея. Несмотря на то, что Владимир Мстиславич был лишён псковского княжения и не обладал фактической властью на землях Руси, Генрих называет его «*королём*» («*rege Woldemaro*») наряду с другими русскими князьями, упоминаемыми в Хронике. Епископ принимает покровительство над бывшим псковским князем, о чём может свидетельствовать его благословение и дары, которые он вручает Владимиру. Помимо этого, Альберт брал Владимира на содержание («*велел в знак уважения снабжать его всем вдоволь*»), что также ставило князя в зависимость от епископа [Генрих Латвийский, 1938, с. 151].

Стремление к активному влиянию на землях Эстонии проявлял датский король Вольдемар II. Скандинавский монарх осуществлял попытки создать в Прибалтике сеть доверенных лиц наделённых управленческими функциями и подчинённых лично ему. В 1219 г. после высадки датского войска в Ревельской области и победы над местными племенами, датский король вместо убитого эстами епископа Теодориха ставит своего капеллана Весцелина. Окончив строительство нового замка в Линданизе на месте сожжённого, Вольдемар оставляет там своих людей и покидает Эстонию [Генрих Латвийский, 1938, с. 195–196]. Когда в следующем году Альберт ставит аббата бременского монастыря св. Петра Германа епископом Эстонии, начинаются разногласия с датским королём. Вольдемар на несколько лет задерживает отправку Германа в Ливонию, добиваясь признания аббата быть его верным сторонником [Генрих Латвийский, 1938, с. 207]. В 1221 г. неудачей закончилась попытка поставить Вольдемаром на должность королевского судьи в Риге рыцаря Годескальда [Генрих Латвийский, 1938, с. 216].

В контексте противостояния между рижским епископом и датским королём за земли Эстонии, Альберт отправляет в Сакалу в качестве проповедников священников Алебранда и Людовика. После мира с новгородцами в Эстонию из Риги был отправлен ряд других священников с миссией христианской проповеди и крещения. Позже, один из стерейшин виронцев Таберин был повешен датчанами, по словам Генриха «*за то, что принял крещение от рижан и отдал своего сына заложником братьям-рыцарям. Прочие же виронцы из других областей, не смея из-за угроз датчан*

сопротивления был Полоцк под властью князя Владимира – верховного сюзерена подвинских городов [Гісторыя Беларусі, 2000, с. 227; Риер, 2020, с. 123]. С данными заключениями нельзя согласиться. Анализируя контакты и символические действия, которые велись князьями Кукенойса и Герцике с рижским епископом, можно заключить, что Вячко и Всеволод до вступления в зависимость от Альберта выступали как самостоятельные правители, заинтересованные в сохранении своей власти [Кежа, 2022, с. 46–47]. Наибольшую активность на начальном этапе контактов с крестоносцами проявил Вячко, выказав в 1205 г. желание о заключении соглашения с епископом. В 1209 г. в покровительство к Альберту после военного поражения от рижан вступает Всеволод. О самостоятельности Всеволода до этого времени свидетельствует упоминание, что он вместе с литовцами разорял русские земли, и, следовательно, не зависел от соседнего Полоцка. В самом начале XIII в. во время походов Владимира Полоцкого на Иксюль (1203) и Ригу (1206) Вячко и Всеволод проигнорировали военные мероприятия полоцкого князя и не могли находиться в вассальной зависимости от него.

принять рижских священников, позвали к себе датчан, как соседей, и ими были крещены» [Генрих Латвийский, 1938, с. 208].

На примере конфликта Альберта и Вольдемара, активную роль играет создание сети доверенных лиц – проповедников, настоятелей церквей и епископов. Они призваны стать проводниками интересов своих сюзеренов в деле осуществления власти на новых территориях. В данном случае имеет принципиальное значение от кого, датчан или рижан приняло христианство местное население. Сами акты крещения язычников выполняют инструментальную (прагматическую) функцию в деле колонизации и распространения влияния.

Своих доверенных лиц на территории Прибалтики стремились посадить древнерусские князья. В 1223 г. во время массового восстания эстов против власти крестоносцев, племенные старейшин обращаются за помощью к новгородскому князю Ярославу Всеволодовичу. Ярослав, принимая просьбы эстов, занимает земли Унгавии с замками Дерпт и Оденпе и сажает там своих наместников, в частности, бывший правитель Кукенойса Вячко становится управляющим Дерпта [Генрих Латвийский, 1938, с. 232–233].

После поражения древнерусских войск в Эстонии в 1224 г., сеть своих доверенных лиц на завоёванных территориях распространяют немецкие колонисты. Епископ Эстонии Герман ставит в Оденпе и Дерпте своих доверенных лиц (в том числе родственников) и раздаёт им во владение феоды. Своего брата Ротмара он назначает настоятелем дерптской обители, приписав к ней окрестные деревни и доходы с земли. Герман активно приглашает в Унгавию священников, даёт им в управление церкви и наделяет их бенефициями. Похожим образом действует Орден меченосцев в соседней Сакале: создаются укрепленные центры, по церквям ставятся священники с наделением их доходами с полей и выплатой церковной десятины [Генрих Латвийский, 1938, с. 241].

После завершения начального этапа колонизации Прибалтики, эффективным способом установления влияния было крещение местных племенных вождей. Некоторые из них, как, например, ливский старейшина Каупо, принимали активное участие в военном покорении языческих племенных объединений и выступали союзниками крестоносцев. Особое отношение хрониста Генриха к Каупо отразилось в титуле, который к нему был применён. Из прибалтийских правителей именно к ливскому вождю относится титул «король» (*rex*) [Генрих Латвийский, 1938, с. 85]. В отличие от остальных предводителей прибалтийских объединений, титулы которых в хронике передаются как «старейшина(ны)» («*senior*», «*seniors*»), князь («*princeps*», «*principe*») или вождь («*dux*»), Каупо назван «королём или старейшиной ливов» («*rex et senior Livonum*»). Из всех племенных вождей Ливонии Каупо был единственным, кто был принят главой латинской церкви в Риме [Генрих Латвийский, 1938, с. 85].

Создание социальных связей в Ливонии было эффективным фактором оперативной мобилизации воинов для походов вглубь территорий прибалтийских

объединений. В походах участвовали как рыцари-крестоносцы, так и заинтересованные в пополнении материальных ресурсов крещённые племена ливов и латгалов. За довольно короткий период (1198–1227) рижскому епископу и ордену меченосцев на землях Нижнего Подвинья и датчанам на территории Эстонии удалось создать довольно прочную сеть доверенных лиц, выполняющих военно-административные и фискальные функции.

Попытка создания административной инфраструктуры на землях восточной Эстонии новгородцами и псковичами в 20-е гг. XIII в. не увенчалась успехом. После захвата крестоносцами Дерпта в 1224 г., древнерусское влияние к западу от Чудского озера перестало существовать. Если в период первой четверти XIII в. можно было наблюдать различные стратегии и конфигурации отношений между немцами-колонизаторами, местными племенами и древнерусскими князьями, после 1224 г. прибалтийские объединения выступают на стороне колонизаторов, воспринимая древнерусских князей как противников [Хрусталёв, 2019, с. 544]. Причиной этого было довольно быстрое крещение (пусть в ряде случаев и формальное) прибалтийских племён и распространение крестоносцами политико-религиозного и культурного влияния в регионе.

Таким образом, формирование социальных связей на территории Прибалтики в конце XII – начале XIII в. происходило в сложных условиях межэтнического и межконфессионального взаимодействия. Помимо военной агрессии рыцарей-крестоносцев против прибалтийских объединений, которая наиболее активно присутствовала на начальном этапе колонизации (первая четверть XIII в.), латинское влияние распространялось также благодаря мирным формам коммуникации.

Одним из важнейших способов контактов был институт дарения. Данную социальную практику использовали практически все политические акторы Ливонии конца XII – первой трети XIII в. Дары преподносились в попытках установления политического господства, когда статус дарителя позиционировался как более высокий по отношению к адресату дара, что предусматривало подчинённое положение получателя к дарителю. Вручение дара осуществлялось и как средство заключения (поддержания) мира или политического союза. В данном случае дары преподносила сторона, заинтересованная в достижении желаемого результата. Дары преподносились покорённой стороной (прибалтийскими племенами) победителям крестоносцам, что свидетельствовало о согласии местных племенных вождей принять латинское христианство и подчиниться власти колонизаторов.

При заключении договорённостей между контрагентами большое значение играли ритуальные формы поведения, через которые и достигались различного рода соглашения. Это касается договоров о заключении мира между крестоносцами и прибалтийскими объединениями. Обращает на себя внимание, что колонизаторы-христиане при заключении соглашений с местными племенами (или являясь посредниками между ними), воспринимают языческий характер ритуализированных действий последних как вполне легитимный. Определённые символические действия могли сигнализировать о разрыве мирного договора или отказе от крещения.

Ритуализированные действия могли выступать объединяющим фактором в мобилизации местных сообществ против колонизаторов, как это произошло с эстами в 20-е гг. XIII в. Соглашения между рижским епископом и некоторыми древнерусскими князьями носили христианско-феодалный характер, во многих своих элементах напоминая вассальные присяги Западной Европы.

Ряд упоминаний свидетельствует о ключевой роли посредников в разрешении споров между конфликтующими сторонами. В некоторых эпизодах их действия можно характеризовать как арбитраж, где престиж и авторитет посредника призван предотвратить конфликтную ситуацию и привести стороны к договорённостям. В отдельных случаях роль посредников выполняли лица, имеющие равные отношения с обеими сторонами конфликта. Важное значение посредника как нейтральной стороны нашло проявление в ходе противостояния между крестоносцами и местными объединениями, а также между древнерусскими князьями и рижским епископом.

Помимо наиболее распространённых форм символической коммуникации, конструирование социальных связей в Ливонии конца XII – начала XIII в. нашло проявление в следующих действиях: институте заложенничества как гарантии соблюдения договорённостей; вербовке рижским епископом в немецких землях крестоносцев; крещении и вербовке местных племенных вождей; пожаловании бенефициев рыцарям-пилигримам и отдельным церквям; назначении вассалов на должности управляющих; учреждении католических монастырей; постройке каменных замков как центров сосредоточения вассалов-рыцарей и племенных элит; широкой миссионерской деятельностью крестоносцев; посвящении немецких священников в должности епископов и аббатов в различных областях Ливонии. В совокупности, данные способы установления контактов позволили выстроить систему социальных связей, через которую колонизаторами осуществлялся контроль над покорённой территорией.

Информация о статье

Автор: Кежа Юрий Николаевич – кандидат исторических наук, докторант кафедры истории России Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь; e-mail: yurykezha86@gmail.com

Заголовок: Социальные связи между политическими акторами на территории Прибалтики в конце XII – начале XIII в. (по данным «Хроники Ливонии»)

Аннотация: В статье рассматривается процесс социального взаимодействия между основными политическими субъектами на территории Прибалтики (Ливонии) в период начального этапа немецкой колонизации (80-е гг. XII в. – 20-е гг. XIII в.). Основным источником исследования является латинский манускрипт немецкого священнослужителя Генриха, известный как «Хроника Ливонии» или «Хроника Генриха Латвийского» (лат. *Heinrici Cronicon Lyvoniae*). Основной фокус исследования сосредоточен на формах контактов, которые приводили к выстраиванию сложной системы связей. Отдельное внимание посвящено рассмотрению различного рода конфликтов, а также способам их разрешения. В результате исследования делаются выводы об основных механизмах формирования политических союзов и функционирования социальных связей в рассматриваемом регионе.

Ключевые слова: «Хроника Ливонии», социальные связи, крестоносцы, рижский епископ, древнерусские князья, ливы, латгалы, эсты

Библиографический список

- Альтхоф Г. (2016). Язык даров. Логика и семантика обмена дарами в Европе до начала Нового времени. *На языке даров: правила символической коммуникации в Европе. 1000–1700 гг.* Москва: Политическая энциклопедия. С. 8–28.
- Бахрушин С. В. (1942). Александр Невский и борьба русского народа с германской агрессией в XIII веке. *Вестник АН СССР.* №4. С. 58–71.
- Генрих Латвийский Хроника Ливонии / редкол.: С. А. Аннинский [и др.]. Москва, Ленинград: Изд-во АН СССР, 1938. 608 с.
- Гісторыя Беларусі: У 6 т. / Рэдкал: М. Касцюк (гал. рэд.) і інш. Мінск: “Экаперспектыва”, 2000. Т. 1 Старажытная Беларусь: Ад першапачатковага засялення да сярэдзіны XIII ст. 351 с.
- Грацианский Н. П. (1943). *Борьба славян и народов Прибалтики с немецкой агрессией в средние века.* Москва: Упедгиз. 64 с.
- Гуревич А. Я. (2020). Богатство и дарение у скандинавов в раннее средневековье. *Избранные труды. «Эдда» и сага.* 4-е изд. Москва, Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив. С. 410–430.
- Кежа Ю. Н. (2022). Политическая коммуникация между правителями в «Хронике Ливонии». *Вестник Полоц. дзярж. ун-та.* Серия Гуманитарных наук. № 9. С. 44–49.
- Ле Гофф Ж. (2000). Символический ритуал вассалитета. *Другое Средневековье: Время, труд и культура Запада.* Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. С. 211–262.
- Магарамов Ш. А. (2019). Институт аманатства во взаимоотношениях дагестанских политических элит с российской властью. *Вопросы истории.* № 12 (2). С. 163–170.
- Матузова В. И. (2002). Крестоносцы и Русь. Конец XII в. – 1270 г. Тексты, перевод, комментарий. Москва: Издательство «Индрик». 488 с.
- Мосс М. (2011). *Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии.* Москва: КДУ. 413 с.
- Пашуто В. Т. (1956). *Героическая борьба русского народа за независимость.* Москва: Государственное издательство политической литературы. 280 с.
- Подберёзкин Ф. Д. (2022). «Юрьевская дань» в русско-ливонских отношениях (XIII – середина XVI века). Москва: Квадрига. 241 с.
- Полное собрание русских летописей:* Т. 1 Лаврентьевская летопись. Ленинград: Изд-во Академии наук СССР, 1926–1928. 379 с.
- Риер Я. А. (2020). *Правитель и общество на белорусских землях в XIII – первой трети XV в.:* основные механизмы политогенеза, легитимизации и сакрализации власти. Могилёв: МГУ имени А. А. Кулешова. 256 с.
- Риер Я. А. (2022.). Языческие ритуалы власти первых правителей Литвы (середина XIII – середина XIV в.). *Древнейшие государства Восточной Европы. 2022 год: Роль религии в формировании социокультурных практик и представлений.* Москва: ГАУГН-Пресс. С. 187–201.
- Стефанович П. С. (2006). Клятва по русско-византийским договорам X в. *Древнейшие государства Восточной Европы: Материалы и исследования. 2004 год; Политические институты Древней Руси.* Москва: Вост. лит. С. 383–403.
- Тихомиров М. Н. (1941). *Борьба русского народа с немецкими интервентами в XII–XV вв.* Москва: Госполитиздат. 68 с.
- Фетисов А. А. (2002.). Ритуальное содержание клятвы оружием в русско-византийских договорах. *Славянский альманах.* Москва. С. 36–45.
- Хрусталёв Д. Г. (2019). *Северные крестоносцы. Русь в борьбе за сферы влияния в Восточной Прибалтике XII–XIII вв.* Санкт-Петербург: Евразия. 624 с.
- Штыхов Г. В. (1978). *Города Полоцкой земли (IX–XIII вв.).* Минск: Наука и техника. 160 с.
- Ярцев С. В., Шушунова Е. В. (2019). Особенности заключения мира с готами императором Валентом в 369 г. *Византийское содружество: традиции и смена парадигм:* тез. докл. XXII всероссийской научной сессии византинистов РФ. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. С. 180–182.
- Althoff G. (1987). Der friedens-, bündnis- und gemeinschaftstiftende Charakter des Mahles im früheren Mittelalter. *Essen und Trinken in Mittelalter und Neuzeit.* Hg. von I. Bitsch. Sigmaringen. S. 13-25.
- Althoff G. (1997). Spielregeln der Politic im Mittelalter: Kommunikation in Frieden ind Fehde. Darmstadt: *Primus Verlag.* 360 s.
- Althoff G. (2019). Rules and Rituals in Medieval Power Games. A German Perspective. Leiden–Boston: Brill. 282 s.
- Florianus M. (1884). *Chronicon Dubnicense: cum codicibus Sambuci, Acephalo et Vaticano, chronicisque Vindobonensi Picto et Budensi accurate collatum.* Accesserunt: II. Adnotationes chronologicae seculi XII et XIII-i; III. Chronicon monacense; IV. Chronicon zagrabiense et varadiense; V. Joannis de Vtino Brevis narratio de regibus Hungariae. Quinque-Ecclesiis. 277 p.

- Kaljusaar K. (2022). Exploiting the Conquerors. Socio-political Strategies of Estonian Elites During the Crusades and Christianisation, 1200–1300. *Baltic Crusades and Societal Innovation in Medieval Livonia, 1200–1350* / Volume Editor: Anti Selart. Series: The Northern World. Leiden; Boston: Brill. P. 55–89.
- Kamp H. (2001). Friedensstifter und Vermittler im Mittelalter. *Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft*. 384 s.
- Koziol G. (1992). *Begging Pardon and Favor. Ritual and political order in early Medieval France*. N.Y.: Cornell University Press. 488 p.
- Maasing M. (2022). The Formation, Establishment, and Personal Networks of Livonian Cathedral Chapters, 1190–1350. *Baltic Crusades and Societal Innovation in Medieval Livonia, 1200–1350* / Volume Editor: Anti Selart. Series: The Northern World. Leiden; Boston: Brill. P. 318–366.
- Reuter T. (1991). Unruhestiftung, Fehde, Rebellion, Widerstand: Gewalt und Frieden in der Politik der Salierzeit. *Die Salier und das Reich*. Bd. 3. Sigmaringen. S. 297–325.
- Rowell S. C. (1992). A Pagan's Word. Lithuanian Diplomatic Procedure 1200–1385. *Journal of Medieval History*. Vol. 18. P. 145–160.
- Selart A. (2015). *Livonia, Rus' and the Baltic Crusades in the Thirteenth Century*. Leiden; Boston: Brill. 385 p.

Information about the article

Author: Yury N. Kezha – Candidate of Historical Sciences, doctoral student of the Department of History of Russia, Belarusian State University, Minsk, Belarus; e-mail: yurykezha86@gmail.com

Title: Social connections between political actors in the Baltic states at the end of the XIIth – beginning of the XIIIth century. (according to the Chronicle of Livonia)

Abstract: The article examines the process of social interaction between the main political forces in the Baltic states (Livonia) at the initial stage of German colonization (80s of the XIIth century - 20s of the XIIIth century). The main source of the study is the Latin manuscript of the German clergyman Henry, known as the «Chronicle of Livonia» or «Chronicle of Henry of Latvia» (lat. Heinrici Cronicon Lyvoniae). The main focus of the study is on the forms of contacts that led to the building of a complex system of connections. Special attention is devoted to the consideration of various types of conflicts, as well as ways to resolve them. As a result of the study, conclusions are drawn about the main mechanisms for the formation of political alliances and the functioning of social connections in the region under study.

Keywords: “Chronicle of Livonia”, social connections, crusaders, Bishop of Riga, Old Russian princes, Livs, Latgalians, Estonians

References

- Al'thof G., Shtol'berg-Relingen, B. Yazyk darov. Logika i semantika obmena darami v Evrope do nachala Novogo vremeni [The language of gifts. Logic and semantics of gift exchange in pre-modern Europe]. In *Na yazyke darov: pravila simvolicheskoy kommunikacii v Evrope. 1000–1700 gg.* [In the language of gifts: rules of symbolic communication in Europe. 1000–1700]. Moscow: *Political Encyclopedia*, 2016. Pp. 8–28. (in Russian).
- Bahrushin S. V. (1942). Aleksandr Nevskij i bor'ba russkogo naroda s germanskoj agressiej v XIII veke [Alexander Nevsky and the struggle of the Russian people against German aggression in the XIIIth century]. *Bulletin of the USSR Academy of Sciences*. No. 4. Pp. 58–71. (in Russian).
- Genrih Latvijskij Hronika Livonii [Chronicle of Livonia]. Editorial board: S. A. Anninsky [and others]. Moscow, Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1938. 608 p. (in Russian).
- Gistoryya Belarusi: U 6 t. T. 1 Starazhytnaya Belarus': Ad pershapachatkovaga zasyalennya da syaredziny XIII st. [History of Belarus in 6 volumes. T. 1 Ancient Belarus: From the initial settlement to the middle of the XIIIth century]. Editor: M. Kostyuk (gal. ed.) and others. Minsk: “Ekaperspektyva”, 2000. 351 p. (in Belarusian).
- Gracianskij N. P. (1943). Bor'ba slavyan i narodov Pribaltiki s nemeckoj agressiej v srednie veka [The struggle of the Slavs and Baltic peoples against German aggression in the Middle Ages]. Moscow: Uchpedgiz. 64 p. (in Russian).
- Gurevich A. Ya. (2020). Bogatstvo i darenie u skandinavov v rannee srednevekov'e [Wealth and gifting among the Scandinavians in the early Middle Ages] In *Izbrannye trudy. «Edda» i saga* [Selected works. "Edda" and saga]. Moscow, Saint Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives. Pp. 410–430. (in Russian).
- Kezha Y. N. (2022). Politicheskaya kommunikaciya mezhdru pravatelyami v «Hronike Livonii» [Political communication between rulers in the Chronicle of Livonia]. *Bulletin of Polotsk State University*. Humanities series. № 9. Pp. 44–49. (in Russian).
- Le Goff Zh. (2000). Simvolicheskij ritual vassaliteta [Symbolic ritual of vassalage]. In *Drugoe Srednevekov'e: Vremya, trud i kul'tura Zapada* [The Other Middle Ages: Time, Labor and Western Culture]. Ekaterinburg: Ural University Publishing House,. Pp. 211–262. (in Russian).

- Magaramov Sh. A. (2019). Institut amanatstva vo vzaimootnosheniyah dagestanskih politicheskikh elit s rossijskoj vlast'yu [The institution of amanatism in the relationship of Dagestan political elites with the Russian authorities]. *Questions of history.*, № 12 (2). Pp. 163–170. (in Russian).
- Matuzova V. I., Nazarova V. I. *Krestonoscy i Rus'. Konec XII v. – 1270 g. Teksty, perevod, kommentarij* [Crusaders and Rus'. End of the XIIth century – 1270 Texts, translation, commentary]. Moscow: Publishing house «Indrik», 2002. 488 p. (in Russian).
- Moss M. (2011). *Obshchestva. Obmen. Lichnost'. Trudy po social'noj antropologii* [Society. Exchange. Personality. Works on social anthropology]. Moscow: KDU. 413 p. (in Russian).
- Pashuto V. T. (1956). *Geroicheskaya bor'ba russkogo naroda za nezavisimost'* [The heroic struggle of the Russian people for independence]. Moscow: State Publishing House of Political Literature. 280 p. (in Russian).
- Podberyožkin F. D. (2022). «Yur'evskaya dan'» v russko-livonskikh otnosheniyah (XIII – seredina XVI veka) [“Yuriev tribute” in Russian-Livonian relations (XIII - mid-XVI century)]. Moscow: Kvadriga. 241 p. (in Russian).
- Polnoe sobranie russkikh letopisej: T. 1 Lavrent'evskaya letopis' [Complete collection of Russian chronicles: T. 1 Laurentian Chronicle]. Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1926–1928. 379 p.
- Rier Ya. A. (2020). *Pravitel' i obshchestvo na belorusskikh zemlyah v XIII – pervoj treti XV v.: osnovnye mekhanizmy politogeneza, legitimizacii i sakralizacii vlasti* [Ruler and society in the Belarusian lands in the XIIIth – first third of the XVth century: the main mechanisms of politogenesis, legitimization and sacralization of power]. Mogilev: Mogilev State University named after A. A. Kuleshova. 256 p. (in Russian).
- Rier Ya. A. (2022). *Yazycheskie ritualy vlasti pervykh pravitelej Litvy (seredina XIII – seredina XIV v.)* [Pagan rituals of power of the first rulers of Lithuania (mid-XIII - mid-XIV centuries)] In *Drevnejšie gosudarstva Vostočnoj Evropy. 2022 god: Rol' religii v formirovanii sociokul'turnyh praktik i predstavlenij* [The most ancient states of Eastern Europe. 2022: The role of religion in the formation of sociocultural practices and ideas]. Moscow: GAUGN-Press. Pp. 187–201. (in Russian).
- Stefanovich P. S. (2006). *Klyatva po russko-vizantijskim dogovoram X v.* [Oath according to Russian-Byzantine treaties of the 10th century] In *Drevnejšie gosudarstva Vostočnoj Evropy: Materialy i issledovaniya. 2004 god: Politicheskie instituty Drevnej Rusi* [The most ancient states of Eastern Europe: Materials and research. 2004: Political institutions of Ancient Rus']. Moscow: Eastern Literature. Pp. 383–403. (in Russian).
- Tihomirov M. N. (1941). *Bor'ba russkogo naroda s nemeckimi interventami v XII–XV vv.* [The struggle of the Russian people against the German invaders in the XII–XV centuries]. Moscow: Gospolitizdat. 68 p. (in Russian).
- Fetisov A. A. (2002). *Ritual'noe sodержanie klyatvy oruzhiem v russko-vizantijskikh dogovorah* [Ritual content of the oath with weapons in Russian-Byzantine treaties] In *Slavyanskij al'manah 2001 g.* [Slavic almanac 2001]. Moscow. Pp. 36–45. (in Russian).
- Hrustal'ov D. G. (2019). *Severnye krestonoscy. Rus' v bor'be za sfery vliyaniya v Vostočnoj Pribaltike XII–XIII vv.* [Northern Crusaders. Rus' in the struggle for spheres of influence in the Eastern Baltics in the XIIth–XIIIth centuries]. Saint Petersburg: Eurasia. 624 p. (in Russian).
- Shtyrov G. V. (1978). *Goroda Polockoj zemli (IX–XIII vv.)* [Cities of Polotsk land (IX–XIII centuries)]. Minsk.: Science and technology. 160 p. (in Russian).
- Yarcev S. V., Shushunova, E. V. (2019). *Osobennosti zaklyucheniya mira s gotami imperatorom Valentom v 369 g.* [Features of the conclusion of peace with the Goths by Emperor Valens in 369] In *Vizantijskoe sodruzhestvo: tradicii i smenapadigm: tez. dokl. XXII-j vsrossijskoj nauchnoj sessii vizantinistov RF, Ekaterinburg, 24–28 sentyabrya 2019 g.* [Byzantine Commonwealth: traditions and paradigm shifts: abstract. report XXII All-Russian Scientific Session of Byzantinists of the Russian Federation, Ekaterinburg, September 24–28, 2019]. Ekaterinburg: Ural University Publishing House, 2019. Pp. 180–182. (in Russian).

Для цитирования статьи:

Кежа Ю. Н. Социальные связи между политическими акторами на территории Прибалтики в конце XII – начале XIII в. (по данным «Хроники Ливонии»). *Caurus*. 2024. Т. 3. № 3. С. 14–33. DOI: 10.34680/Caurus-2024-3(3)-14-33

For citation:

Kezha Yu. N. Social connections between political actors in the Baltic states at the end of the XIIth – beginning of the XIIIth century. (according to the Chronicle of Livonia). *Caurus*. 2024. Vol. 3(3). P. 14–33. (in Russian) DOI: 10.34680/Caurus-2024-3(3)-14-33